

ПЕЧАТИ
И ПОДПИСИ

Игорь Комков

Печати и подписи

<https://litres.ru/74311113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор — регистратор "милосердного завершения". Его работа — убедиться, что решение человека умереть - юридически чистое, свободное и осознанное. Пациенты взрослые. Все по процедуре. Зелёный флажок в системе, подпись на бланке, дело в архив. Линза на виске делает работу терпимой.

Но в какой-то момент к нему приходит человек из прошлого, которое он старался забыть. С этого момента потолок над ним начинает опускаться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Игорь Комков

Печати и подписи

Игорь Комков

Печати и подписи

Глава 1

— Вера Николаевна, кто у нас первый по списку?

— Доброе утро, Виктор Андреевич. Добровольное завершение. Женщина. Уже здесь. Позвать?

Виктор отпустил клавишу селектора и взял в руки планшет.

На экране отображался чек-лист опросника — чёрные буквы на белом фоне. Виктор пробежал глазами описание задачи: «Задача № 100. Протокол милосердного завершения. Кравченко Елена Владимировна, 42 года. Вербальный опрос. Анализ. Подтверждение валидатора». Стандартная карточка Реестра. Слева — зелёная полоса допуска: «Все условия выполнены. Противопоказания не выявлены». Справа — три иконки: биометрия подтверждена, заключение психиатра, период ожидания (90 дней) — завершён. Внизу мелким серым шрифтом: «Линза терапевтическая, режим 7, назначена 14.08.2081, лечащий врач: [скрыто]». Виктор не стал разворачивать строку.

Он посмотрел в окно.

За окном стояла ноябрьская темнота, восемь утра. Но кабинет, напротив, заливал яркий холодный матовый свет. В кабинете было уютно — всё как любил Виктор. «В японском стиле, — подумал он. — Меч на стене и бамбуковая циновка на полу, остальное — лишнее». Циновки и меча, понятное

дело, не было. Но стол и шкаф оставались девственно чистыми. Только сектор и планшет. Случайный посетитель решил бы, что кабинет пустует.

На столе остывал кофе. Виктор взял его в коридорном автомате. Горячее пошло слегка отдавало растительным жиром, но было бесплатным.

Он зевнул. Пора приниматься за работу. Сотое дело за неполные два года в новой должности. Небольшой производственный юбилей. Значимая веха в личном деле и фактор, прямо влияющий на рейтинг.

— Зовите, — сказал он в селектор. — И досье.

Дверь открылась через минуту.

— Можно? — спросила Вера Николаевна.

Она вошла в кабинет с папкой в руках и пропустила женщину средних лет. Положив папку на край стола, секретарь повернулась к пациентке.

— Елена Владимировна, чай? Кофе?

— Спасибо, нет.

— Виктор Андреевич, если что-то ещё нужно...

— Всё в порядке, спасибо. Досье когда передали?

— Вчера по трубе пришло. Я утром подтвердила.

— Хорошо. Спасибо. Там если Глеб придёт — маякните мне по селектору.

Вера Николаевна кивнула и вышла.

Отставив кружку, Виктор взял планшет и спросил:

— Елена Владимировна Кравченко?

— Да. Я на анкетирование.

— Прошу, — сказал Виктор и указал стилусом на стул.

— Садитесь. В кабинете ведётся запись. Меня зовут Виктор Андреевич. Сейчас я задам вам обязательные вопросы: личность, свободная воля, понимание процедуры, отсутствие давления. Всё по процедуре. Если посчитаете вопрос некорректным или захотите остановиться — говорите об этом сразу. Готовы?

— Да.

— Начнём. Сначала формальности. Фамилия, имя, отчество?

— Кравченко Елена Владимировна.

— Дата, место рождения? Полных лет?

— 17 июня 2039 года. Москва. 42 года.

— Идентификатор в реестре номер ... — Виктор озвучил последовательность цифр, — принадлежит вам?

— Да.

— Хорошо. Теперь к делу. Вы понимаете, где находитесь?

— Да. Это полиция. Финальное анкетирование. По направлению медбота.

— Вы понимаете суть процедуры, на которую проходите анкетирование?

— В полной мере. Это финальный опрос перед добровольной эвтаназией.

Виктор улыбнулся. «Хочешь ввести новый термин — делай его коротким», — подумал он. Он мельком взглянул

на пожелтевший баннер на стене. С плаката смотрела молодая пара в белых халатах. Корпорация «Древо жизни», «Будь среди первых!». Плакат напечатали прямо на стене, сорвать его было невозможно. Только закрасить. Виктор перевёл взгляд на пациентку.

— Верно. Но термин устарел. Процедура сейчас называется «Милосердное завершение». Анкетирование нужно для финального подтверждения. Скажите своими словами, как понимаете: что произойдёт после финального подтверждения?

— Мне проведут процедуру, и я умру.

— Верно, — отвечал Виктор и параллельно ставил пометки в планшет. — Вам разъяснили иные доступные способы лечения и финализации? Терапия? Судя по карте, вы абсолютно здоровы. Ваш выбор окончателен?

— Да. Я решила покончить с этим. Мне неинтересно это продолжать.

— Что вы имеете в виду? — Виктор поднял глаза. — «Это» — это что? Что продолжать?

Женщина спокойно смотрела ему в глаза.

— Я больше не хочу жить, — сказала она глухим голосом. Её глаза не выражали никаких эмоций. — Бесконечная глупость. Я устала и не вижу смысла ни в чём, тем более — в своём существовании.

Виктор ждал продолжения, но его не последовало.

— Понял, — ответил Виктор и сделал пометку. — Вер-

нёмся к этому позже. Заявление о завершении подали вы лично? Кто-нибудь предлагал вам подать это заявление? Просил? Угрожал?

— Заявление я подала лично по своей воле. Никто не просил меня об этом и не угрожал.

— Ваше решение не связано с извлечением выгоды? Страховка? Наследство? Обещание третьего лица?

Женщина отрицательно помотала головой.

— Нет, не связано. Я им звонила. Они оплатят процедуру, так мне сказали. Но жизнь я не страховала, ну и всё такое.

Виктор внимательно посмотрел на Елену.

— Елена Владимировна, подумайте, не отвечайте быстро. Есть ли человек, который может получить материальную выгоду после вашей смерти?

Елена ответила сразу.

— Нет, скорее наоборот. Но мне это безразлично.

— Долги? Иные обязательства? Это является стоп-фактором.

— Нет. Вы можете посмотреть в системе. Я закрыла последний кредит несколько месяцев назад.

Виктор проверил. Да, так и есть.

— Вы знаете, что не можете отказаться от донорства по итогам процедуры? Вас это устраивает.

— Мне всё равно.

Виктор посмотрел на часы. «Вроде всё чисто. Так, добиваем по родственникам, ещё раз о причине, и можно под-

тверждать». Он свайпнул почти заполненный чек-лист на последнюю страницу. И тут его брови приподнялись.

— Стоп. Не понял. Елена Владимировна. У вас же несовершеннолетний ребёнок. Это, конечно, не стоп-фактор. Но я обязан выяснить, как будет организована его дальнейшая судьба. Если ответ меня не устроит — мне придётся передать дело в опеку.

— Посмотрите моё досье в папке. Там заявление моей сестры с визой опеки. Они сказали, что на бумаге тоже можно.

— Ок, давайте посмотрим.

Виктор раскрыл досье.

Папка — стандартная форма «Д-7», серый картон, на обложке штамп «Оригинал. Хранить 75 лет». Внутри распечатка из реестра, заключение опеки, психиатра (два листа, две подписи, две печати), справка о страховом покрытии, опекунские документы. Каждый лист — с водяным знаком и QR-кодом внизу. Бумага ещё пахла принтером.

Он начал листать документы опеки. Это было его первое дело с несовершеннолетними. В его небольшой практике процедуру заказывали либо одинокие, либо люди с уже взрослыми детьми. «Чем занимаются в опеке? — подумал он. — Собрали целый гербарий детских фоток, рисунков, заключений. Где моё, кстати? А, вот. — Он вытащил нужную форму и пробежал её глазами. — Угу. Вижу. Все родственники в курсе. Виза на месте. Стоп. Так это второй? Они эту

пачку смотрели вообще?»

Виктор испытующе посмотрел на Елену.

— Интересно. Елена Владимировна, визу вижу. Но тут написано, что это второй ребёнок. Первый погиб. Как давно это случилось и при каких обстоятельствах?

— Авария. Год назад. Я вела машину. Моей дочери было три года. Я не пристегнула её. На перекрестке в нас врезалась другая машина. В заднюю дверь, где она сидела.

Виктора поразила её спокойный тон. «Что-то с ней не то. Или она темнит, или просто нездорова. Но отвечает быстро, непохоже, что под седативными».

— Как её звали?

— Александра.

Елена ответила быстро, но Виктор успел заметить. По её щеке пробежала тень судороги.

— Вы испытываете боль? Ваше решение продиктовано болью от потери ребёнка?

— Нет. Сначала да, я страдала. Потом прошла курс терапии с линзой и боль ушла. Если бы не это — я наложила бы на себя руки. Я не могла ни есть, ни пить. Вина раздавила меня.

— После терапии боль ушла?

— Да, вся боль исчезла. Я смогла абстрагироваться. — Елена произнесла эту фразу тем же тоном, каким до того называла дату рождения.

«Может, у неё амнезия?» — подумал Виктор.

— Вы помните детали? Точнее так: вы помните всю последовательность событий до и после аварии? Есть ли лакуны в памяти? Нет ли воспоминаний, вызывающих сомнения или вопросы?

— Нет, я помню всё. Всю жизнь, все события.

— На ваш взгляд, принятое вами решение продиктовано логикой или эмоциями?

— Я же сказала в самом начале. Я проанализировала свою жизнь и решила выйти. Мне неинтересно продолжать.

— Тогда поясните: вы говорите, что чуть не наложили на себя руки. То есть вы понимаете, что это был бы страшный выбор. Но теперь вы сами пришли на процедуру. Вы не видите противоречия?

— Нисколько. В тот момент я не могла выбирать. Я была словно загнанный зверь. Я не могла нормально рассуждать. А сейчас мой ум свободен, и я делаю осознанный выбор. Противоречия нет.

«Нет времени дискутировать с ней. Заскучала, как многие. Формальная логика есть. Но ребёнок?» — пронеслось в голове.

— Понял вас, Елена Владимировна. Я часто сталкиваюсь с подобными формулировками. Но второй ребёнок? Вы не чувствуете ответственности за него?

— Я понимаю, о чём вы говорите. Я всё устроила. Моя сестра о нём позаботится. Она его любит.

«Заключение психиатра. Если его нет — я её заверну».

Виктор молча просмотрел на планшете назначенный и пройденный курс лечения. Всё было в норме. Единственной непонятной деталью оказалась модель применённой линзы. Ему ещё не встречался этот номер. Виктор взглянул на висок Елены. Её линза находилась на месте и была почти такой же, что у него. Правда, с другим диодом. «Гражданская модель», — подумал он и снова уткнулся в планшет.

«Где заключение психиатра?»

В данных планшета форма осмотра психиатра отсутствовала. Стоял зелёный флажок согласования, но само заключение отсутствовало.

«Так, если в досье его нет — на выход», — подумал он и начал рыться в досье.

Белоснежный бланк с заключением психиатра лежал в папке первым. Виктор потянул бланк на себя. Из папки на стол с тихим шорохом выпал детский рисунок. Виктор отодвинул рисунок и досье. Вчитался.

«Хм, всё четко, показания подтверждены психиатром. Двойной контроль, две подписи. Так, сверю-ка я хеши». — Виктор быстро сверил цифры в планшете с цифрами на бумаге.

«Всё быётся. Нужно принимать решение. Глеба Егорыча бы спросить. Да его нет ещё. Ладно».

Его взгляд привлёк рисунок сына Елены, лежащий на столе. На нём неумелыми детскими каракулями были нарисованы три больших дома. На фоне домов стояли женщина,

мальчик и маленькая тень с бантиками. Все стояли рядом. Мальчик и тень держались за руки. «Странный рисунок для ребёнка, — подумал Виктор. — Почему тень? И никто не улыбается. Но я не спец по детской психологии. Может, тут всё норм». Его что-то напрягало в этом рисунке, но он не мог понять что.

— Это нарисовал ваш сын? — поднял глаза Виктор.

— Да, — ответила Елена. — Это его рисунки. Я принесла все. Они понадобились для опеки.

— На рисунке вы?

— Да, дети всегда рисуют то, что видят рядом.

Виктор уже не смотрел планшет. Он смотрел только на Елену. Она сидела спокойная как изваяние и доброжелательно смотрела на него.

— Ваш сын в данный момент живёт с вами?

— Нет. Он сейчас с моей сестрой.

— Вы говорили с ним о своём решении?

— Да. Но он, к сожалению, плохо это перенёс. Я пыталась объяснить ему так, чтобы он понял. Постаралась адаптировать свою позицию до уровня его опыта и развития. Но у него начались психологические проблемы, и мне пришлось отвезти его к сестре.

Виктор перевёл взгляд с Елены на свой ботинок и устало потёр переносицу. Женщина молчала. Через секунд десять он снова посмотрел на неё и спросил:

— У вас есть родственники, кроме сестры и сына? Они

в курсе?

— Я одна. Ну только если бывший муж. Он в курсе.

— Почему вы не отвезли ребёнка к отцу?

— Мне кажется, что моя сестра сможет дать ребёнку лучший старт. Она хорошо зарабатывает.

Виктор помолчал несколько секунд и спросил:

— Как ваша сестра и ваш бывший муж отнеслись к вашему решению? Они не пытались повлиять на вас?

— Пытались, но не в сторону решения. Они оба пытались меня отговорить. Им обоим кажется, что со мной что-то произошло в процессе терапии.

— Что они имеют в виду?

— Ничего конкретного. Обычные домыслы. Много эмоций. Я пыталась объяснить логику решения каждому из них, но они не слышали меня.

— А что за домыслы?

— Я не хочу об этом говорить. Это может повлиять на их рейтинг. Я бы этого не хотела.

«Пора заканчивать, — устало подумал Виктор. — Я не врач. Психиатрия — не моя ответственность. Заключение есть, документы в порядке. Формально не придерёшься. Ладно».

— Елена Владимировна, я задам вам последние вопросы, и мы закончим. Вы готовы?

— Да.

— За время нашего разговора ваше решение изменилось?

— Нет.

— Вы хотите, чтобы я зафиксировал в протоколе сомнение, возражение или просьбу?

— Нет.

— И наконец. Вы окончательно подтверждаете факт того, что решение о прохождении процедуры Милосердного завершения приняли свободно, осознанно и это не связано с давлением на вас третьих лиц?

— Подтверждаю.

— Зафиксировал. Одну минутку.

Виктор инициировал алгоритм подписания. Загорелся диод камеры. Он подставил зрачок под сканер, и на планшете сгенерировалась форма. Белый лист, текст над строкой подписи: «Настоящим подтверждаю, что волеизъявление субъекта проверено в соответствии с регламентом МЗ-7 и протоколом милосердного завершения (ред. 2079). Оснований для отказа в регистрации не выявлено». Ниже — поле для стилуса. Ещё ниже — серым курсивом: «Внимание: данное подтверждение является финальным и не подлежит отзыву. Убедитесь, что пациент в полной мере понимает суть процедуры и его решение не изменилось в процессе опроса. Подпись должна соответствовать картотеке».

Виктор взял со стола стилус и, цокая кончиком, изобразил сложную завитушку на электронном бланке. Планшет громко пискнул, и на экране высветились зелёные цифры номера. Всё, работа окончена. Номер присвоен. Дело закрыто. В его

части точно.

— Всё в порядке. Процедура согласована. Вы можете обратиться в любой медицинский центр. У нас на шестом этаже тоже есть лаборатория Корпорации. У вас остались ко мне вопросы?

— Нет, спасибо. Я могу идти?

Виктор собрал бумаги в папку и протянул её Елене.

— Да, конечно. Отдайте, пожалуйста, досье секретарю. Хорошего дня.

Дверь закрылась. Виктор потянулся и посмотрел на часы. Полчаса. Нужно ускориться.

Он отлепил от виска линзу и положил на стол. Самая простая модель — для должностных лиц пятого уровня допуска — круглая, размером с фалангу мизинца, она тускло светилась синим. На внешней стороне были две точки — синий диод и зелёный логотип производителя. На внутренней стороне — серийный номер и гравировка «не передавать». Когда Виктор отлепил её от виска, кожа под ней оказалась чуть влажной, а мир на секунду стал громче. Знакомо нахлынули неприятные мысли и эмоции, которые она заглушала. «Жаль пацана», — пришла первая мысль, а за ней потянулись другие, с которыми он безуспешно боролся последнее время. «Чем мы здесь занимаемся? Кому это нужно? Сколько мне ещё здесь кресты зелёнкой на лбах рисовать?» — тоскливо подумал Виктор.

Он помассировал виски и усилием воли попытался пре-

кратить внутренний диалог. Линзу обратно надевать не хотелось. Ему удалось переключиться.

«Она как будто под вещами, — думал он. — Но все коды зелёные. Психиатр, опека, терапевт, прочие. Медбот только собрал маршрут; за решения отвечали люди. Подписывали люди. Не я первый в этой цепочке. По идее, конечно, нужно было её завернуть. Ладно, зайду сегодня к Глебу. У него практика богатая, расскажет, что и как в таких случаях делать».

Виктор посмотрел вниз и увидел на полу рисунок ребёнка Елены. Тот, видимо, слетел со стола. Он, не глядя, поднял рисунок и сделал шаг к двери, чтобы отдать секретарю, но в последний момент передумал и вернулся.

«Что-то не клеится. Не могу понять что, но тут явно какая-то лажа. Чую прям, — думал он, глядя на рисунок. — Там же были ещё фотки в досье, нормальная семья на вид. Целует сына, улыбается. А рисунок прям похоронный какой-то».

Он постарался детально вспомнить все фотки, что успел заметить в досье.

«Что-то случилось на этапе терапии. По словам родственников. По идее, она должна была начать бояться за второго ребёнка. Хотя кто знает, что там у них в головах», — подумал Виктор, отложил рисунок и взял в руки планшет.

«Дай-ка я ещё раз пройду по медкарте. Нужно посмотреть, что применяли, кроме линзы. Как там у них? Динамика

деградации социальных реакций? Вроде такая формулировка. Эх, если что, теперь хрен отменишь».

Он ввёл код.

Экран планшета дёрнулся и высветил красным: «Запрос отклонён. Материалы дела переведены в режим ограниченного доступа. Основание: завершение процедуры подтверждения. Для получения доступа обратитесь к куратору подразделения».

Виктор раздражённо бросил рисунок в ящик стола. «Не судьба. Ладно. Потом докину в досье. Глеба просить не вариант. И так постоянно прикрывает. Я ещё за прошлый месяц не проставился».

Он нажал на кнопку селектора и сказал:

— Вера Николаевна, давайте следующего.

Селектор ответил:

— Виктор Андреевич, тут из следственного комитета. Вне записи.

— Зови.

«Зачастили. За оригиналом, скорее всего», — спокойно подумал Виктор. Дознавателей часто интересовали его пациенты. Ниточки следствия иногда обрывались именно в его кабинете. Почти все запросы шли через сеть. Лично дознаватели приходили нечасто. По закону не все документы могли быть оцифрованы.

Виктор только встал, чтобы долить себе кофе — дверь тихо скрипнула. Он поднял глаза и обмер с чашкой в руке. В

дверях стоял человек в штатском. Седая борода сделала его лицо почти неузнаваемым. Но Виктор сразу понял, кто это. Левую бровь пересекал знакомый старый шрам. В животе похолодело. «Вот так встреча».

— Здорово, Витя, — услышал Виктор. — Узнаёшь меня?

Сердце стучало как молот. «Он один. Без СБ. Значит, просто поговорить. Или СБ потом?» — мысли лихорадочно металась в голове.

— Как не узнать, — хрипло ответил Виктор. — Я всё ждал, когда вы заявитесь.

Глава 2

Посетитель — мужчина за пятьдесят, крепкий, без намёка на живот — прошёл к креслу и сел, не спрашивая. Он был одет в красную клетчатую рубашку и чёрные армейские брюки с боковыми карманами. Ни линзы, ни жетона, ни кобуры — ничего. Из-за этого он выглядел так, будто приехал с дачи и зашёл не туда.

— Давай, наливай кофе, присаживайся, дело есть, — размеренно сказал он Виктору.

Виктор вышел из кабинета и подошёл к кофейному автомату. Поставив чашку, он вдавил белую кнопку напротив капучино. Ладони вспотели, и он вытер их о штанины брюк.

«Сто лет прошло, не сдал ни на миллиметр. А ведь он на двадцать лет старше меня, — думал Виктор, пока автомат жужжал кофемолкой. — Запись не отключить. Без СБ. Значит, не задержание. Или пока не задержание».

Он вспомнил их последнюю встречу двенадцать лет назад в кабинете следственного комитета. Виктор был свидетелем по делу об утечке капитала за рубеж. Его, как сотрудника банка, отвечавшего за контроль переводов в пользу нерезидентов, допрашивал именно этот человек. Селезнёв Григорий Николаевич, следователь по особым делам.

Виктор попал на тот допрос не просто так. Он позволил провести несколько транзакций на космическую сумму. Рас-

чёт строился на том, что он запросто мог не заметить признаки вывода. Документы были превосходно подделаны, и Виктор мог сослаться на то, что не является экспертом в этой части. Халатность. Нарушение правил внутреннего контроля. Ошибка. Не преступление. Если бы не реальный факт передачи денег.

Факт был. И сумма в криптовалюте оказалась достаточной, чтобы закрыть кредит за обучение и купить квартиру. Ему долго пришлось отмывать эти деньги. Но через полгода он купил квартиру и женился. Ещё через два месяца закрыл кредит за обучение. И жизнь стала лёгкой и зовущей, как пустая скоростная трасса.

Из банка его выгнали с волчьим билетом. Но мама сразу надавила на пару рычагов, и Виктора взяли в полицию, даже несмотря на его биографию. У неё были хорошие связи.

На допросе Виктору назвали пару фамилий и пару адресов. Он сразу понял, что всё раскрыто: кто передал деньги и как. Даже сумму назвали. Озвучили как предположение, но она билась до копейки. Виктор весь допрос ждал, что на него вот-вот наденут наручники. Но его почему-то отпустили и больше не беспокоили.

С тех пор чем выше он поднимался по карьерной лестнице, тем сильнее чувствовал своё уязвимое место — кнопку, нажатие на которую могло разрушить его жизнь, обнулить достижения, любовь и карьеру. Но на эту кнопку никто не нажимал, и Виктор вспоминал о ней всё реже.

И вот только что воспоминание разблокировали — настолько резко, что левая нога Виктора сейчас отбивала дрожь у кофейного автомата.

«Что ж меня так трясёт, — подумал он. — Сто лет прошло. Он, может, вообще не по этому делу пришёл, а я испугался, как мальчишка. Зря снял служебную линзу. Сейчас она хоть шум в голове прибрала бы».

Виктор вдруг испугался, что дознаватель заберёт линзу или планшет, которые остались лежать на столе. Потом понял, что это уже бред воспалённого воображения.

«Но ему что-то нужно. Просто так он бы не пришёл. Может, квартальную палку оформить, поправить статистику закрытием старого дела? — думал Виктор, он слабо представлял их кухню. — Или ему деньги нужны? Было бы здорово, если бы деньги».

Возвращаться в кабинет не хотелось.

Виктор взял горячую чашку, зашёл к себе и закрыл дверь на два оборота. Обошёл дознавателя и сел на своё место. Чашку поставил на стол и сразу забыл о ней.

— Григорий Николаевич. Какими судьбами? У нас же нет пересечений по делам. Вы по службе или по частному вопросу? — спросил Виктор, испытующе взглянув на человека напротив.

Тот казался спокойным, но взгляд его был тяжёл. Этот немигающий взгляд Виктор иногда наблюдал со стороны, но давно не ощущал на себе. Он видел, что собеседник не ис-

пытывает радости от общения.

— Витя, не пыли. Ты знаешь, зачем я здесь. Трёшка на Старомонетном. Частный фонд. Банковский комплаенс. Сингапур. Продолжать? — спросил дознаватель и кивнул на угол кабинета. — Здесь пишется. Не забывай.

Виктор выдохнул раньше, чем успел себя остановить. Он чуть не заулыбался.

«Не задержание. Так, всё нормально. Он не палку пришёл закрывать. Ему что-то нужно. Но он в курсе. Трёшка, понятно. Откуда он узнал про фонд? Это же уже позже было. После банка».

Дознаватель смотрел на Виктора и спокойно ждал ответа. В его глазах не было азарта. Лишь тень усталости.

Виктор осознал, что машинально держит стилус в руке как заточку. Он положил стилус на планшет.

— Я всё понял, Григорий Николаевич. Можете не продолжать.

Виктору показалось, что он услышал в своём голосе заискивающие нотки. Он на миг стиснул зубы.

— Тогда как будем разговаривать? Формально? Или, может, спустимся в кафе?

— Не стоит. Здесь нормально. У нас мало времени. Запись — это даже хорошо. Возражений нет?

Дознаватель смотрел Виктору прямо в глаза. Виктор отвёл взгляд.

«Очень странно. Что ему нужно? Тем более под камерой.

Не деньги и не услуги. Тогда что? Подпись? Доступ? Убрать строку? Подменить материал?»

Он успел представить несколько вариантов. Подделать отметку. Закрыть доступ. Перекинуть дело на чужой код. Поставить подпись там, где её не должно быть. В каждом варианте через пять минут появлялась СБ, протокол изъятия, наручники, адвокат, Марина в коридоре суда.

Виктор подобрался и сухо ответил:

— Нет. Возражений нет. Тем более я не понял, о чём вы говорили вначале. Если всё официально, я слушаю.

Дознаватель не принял подачу и продолжил тем же тоном, что и раньше:

— Я пришёл по делу, крайне важному для меня. Его нужно уладить и быстро.

— Слушаю внимательно.

— Не паясничай. Мне нужно, чтобы кто-то снял показания, пока дверка не закрылась. Так получилось, что я сейчас под проверкой и временно без доступа. И так вышло, что ты лучший кандидат. Всё законно, в рамках твоего доступа.

Виктор моргнул.

«Законно?»

— Почему именно я лучший кандидат? Расследованиями же занимается комитет. Я-то тут при чём? Я в реестре галки проставляю. У меня и доступа к делам нет.

— Я тебе не дело предлагаю вести. Ты валидируешь запись в материале. Это твоя ответственность. Тебя выбрал не

я. Тебя выбрала твоя подпись. И, к счастью, именно ты сейчас единственный человек, который прям вот сильно хочет мне помочь, — сказал дознаватель, сделав особый акцент на слове «хочет», и добавил: — Или ты не хочешь?

— Да хочу, хочу. — Виктор со злостью представил, что ему теперь бесконечно придётся бегать по чужим делам. — Но мой доступ — такое себе. И я сильно загружен. Я не отказываюсь, но поймите и меня тоже. Если только по вечерам.

— Сделаешь и можешь быть свободен. В нерабочее время. Не развалишься. И дела никакие тебе вести не нужно.

Дознаватель достал из кармана полевой планшет и посмотрел на экран.

— Дело вот-вот закроют. Тебе нужно снять показания одного человечка и занести в реестр. Не в дело. В материал, на который оно ссылается. Пока это сделать можно. Закроют дело — всё. Поэтому давай, быстрее включайся. И на завтра отгул возьми. Побегать придётся.

— Да не против я, но на каком основании-то?

— Ты регистрировал согласия по Лимонову, Кравченко? Знакомые фамилии? Это последние — ты должен помнить.

— Да... я. Но при чём...

— Ща.

Он поднялся, обошёл стол и остановился рядом. Виктору пришлось встать. Дознаватель поклацал ногтем по экрану, и на нём отразилась паутина линий в форме шара. Линии соединяли точки. Над каждой точкой стояла надпись, выпол-

ненная таким мелким шрифтом, что её невозможно было разобрать.

— Смотри, — повторил дознаватель и жестом приблизил отдельный сектор паутины. Теперь Виктор смог прочитать надписи над точками и линиями. — Вот. Это дело сейчас закроют. Человеку, который его ведёт, должны сделать коррекцию. Видишь, куда идут нити?

— Григорий Николаевич, это же закрытая инфа. Может, всё-таки спустимся...

— Не спустимся. Записи и так пропадают из дел сами собой. Я теперь камеры полюбил. А о том, что ты видишь... Информация раньше предназначалась для служебного пользования. — Дознаватель сделал ударение на слове «раньше». — Но решение закрыть дело — теперь тоже в базе. И поэтому информация по делу — уже без грифа. Система работает так: как только дело получает статус «состав преступления отсутствует», гриф снимается до передачи в архив. Не полностью, но твой допуск уже подходит. Слепое пятно в дело-производстве. Пользуйся.

Григорий Николаевич снова ткнул пальцем в узел линий на экране.

— Здесь только то, что касается твоего вопроса. Остальное я убрал. На, полистай, только недолго. Там одна закономерность есть. На фамилии смотри.

Он отошёл к окну.

Виктор снова посмотрел на паутину линий. От главной

жирной точки с номером дела тянулись нити связей к событиям, вещам и лицам. Физическим и юридическим. Их было много. Он жестом увеличил масштаб и начал выборочно просматривать надписи над точками.

«Наворочено. Закономерность, очевидно, есть, но мне она ни о чём не говорит».

Но вот он постепенно стал выхватывать из сетки знакомые фамилии.

«Лимонов, Болдырев, Кравченко, Комиссаржевский, Атаманова... это же мои. Что-то много. Так, а связаны с чем? Много с чем. Ну и паутина. Стоп. Вот он я. "Узел процессуальной валидности" — да, это я. Дата подтверждения моя. Под каждым. А это кто? Клиники. Все московские, эта откуда взялась? Хрень какая-то».

Виктор поднял глаза.

— Тут есть мои, человек десять. Остальных тьма, и я их не знаю. Это какое-то внутреннее расследование? Меня в чём-то подозревают?

Дознаватель обернулся и забрал у Виктора планшет.

— Нет. Ты здесь ни при чём. Ты под запись работаешь, и проверить тебя легко. Расслабься. Понял закономерность?

Он обошёл стол и снова сел в кресло. Виктор тоже уселся. Теперь их снова разделял стол. Виктор напряг память.

— Моих что-то много. И клиника одна на конце у всех. Сначала Москва, потом Париж. Эта вообще непонятно откуда взялась. Я о ней первый раз слышу, в базе её нет. Да

и напротив каждого возле моей визы стоит ещё один согласователь. Непонятно. Какой-то «Внешний контур согласования». В самом начале, ещё до медицины. Тоже удивило. А так вроде всё как и у меня в планшете, только более развернуто.

— Понятно. Ладно, слушай задачу. Завтра, не позже десяти утра, ты дойдёшь до нас. Пятый подъезд. Ты там не был, скорее всего. Пропуск я выпишу. Поднимешься на третий этаж. Триста двадцать восьмой кабинет. Савватеева Анна Вячеславовна. Запомнил?

Виктор кивнул. Он видел в паутине крупную точку с такой фамилией.

— Она и есть следователь по делу. Савватеева не фантазёрка и не паникёрша. Если она прячет агента, значит, там не домыслы. Там рыба, похоже, покрупнее. Но её в Главк переводят. Горизонтальная ротация с повышением. Должность высокая — через коррекцию, чтобы исключить возможные коррупционные связи, привязанности и прочее. Процедура такая. Кратковременную память под нож. Слыхал?

Виктор снова кивнул.

— Мне нужен её агент. Она знает. Точнее, нужен не он, а его показания. Их в деле нет. Они мне нужны. Ты возьмёшь у неё контакт, сходишь к нему, пообщаетесь. Потом внесёшь запись туда, куда она скажет. Вот и всё. Плёвое дело.

— А вы сами почему...

— Не могу сейчас. Сказал же. Проверка. Нужно по-тихо-

му. Любой мой вход в это дело сейчас уйдёт в журнал проверки. Твой — нет. Ты там как технический валидатор. Белый шум. И нужно всё сделать быстро. Поставь себе срок, — сказал Григорий Николаевич и поглядел в планшет. — Тридцать два часа семнадцать минут у тебя есть. Потом всё. Материал уйдёт в архив. После этого никто туда ничего не положит. Вопросы есть?

— За завтра успею?

— Если поторопишься — запросто. С утра к ней, а до конца дня — к её контакту. Ты парень сообразительный, я в тебя верю.

Дознаватель помолчал.

— Да, и ещё...

— Что?

— Если вдруг обстоятельства сложатся каким-нибудь неудачным образом и ты не успеешь сделать то, о чём я тебя прошу, мне придётся вспомнить порядок цифр, который начинается на 738, а заканчивается на 995. Oversea-Chinese Banking Corporation — слышал о таком? И это дело уже не закроют, поверь. Лично этим займусь. Тем более вся фактура есть. В суд направить — пару кликов.

Виктор похолодел. Но не от названия банка. От цифр в выписке, которые никто, кроме него, знать просто не мог.

«Как? Откуда? И это?»

Он чувствовал себя так, будто его насильно раздели.

В голову залетела отчаянная мысль: «Так нельзя. С этим

нужно хоть что-то делать. А если...»

— Не глупи, Витя. У тебя же в глазах всё отражается. Ничего ты мне сделать не успеешь. Да и не сможешь. Я тебя вот как держу.

Григорий Николаевич показал кулак.

— Не трепыхайся, делай, что говорят, — будешь дальше своих жмуриков оформлять. Я о тебе забуду. Обещаю.

— Точно? А то мне тоже не улыбается под такими молотками всю жизнь ходить. — Виктору уже было плевать на запись и на необходимость объясняться эзоповым языком. — Гарантии какие?

— Гарантии дают только шарлатаны. У меня расчёт. У тебя тоже.

Дознаватель поднялся.

— Верь мне и посматривай на часы. Завтра вечером жду. Как только таймер обнулится, а я кое-где кое-чего не увижу — не обижайся. Всё. Давай.

Он вышел, не посмотрев на Виктора, и негромко хлопнул дверью.

Виктор сидел за столом и смотрел в одну точку.

«К Глебу. Отгул. Только бы не узнал. По такой статье я полечу, и он полетит. Всё. Отпрошусь на сегодня тоже. Отработал. А да, таймер этот ещё».

Виктор ввёл цифры в планшет и увидел, как они начали убывать на экране.

«Времени вообще нет. Только бы эти гаврики все были в

Москве. А сейчас к Глебу, и домой. Нужно выпить».

Он пододвинул селектор и нажал на кнопку.

— Вера Николаевна, этот... ушёл?

— Да, Виктор Андреевич. Только что. Следующего звать?

— Нет, пока нет. Извинись там. Скажи, что приём переносится на послезавтра. Дай боту задание раскидать слоты. Мне нездоровится что-то.

— Поняла. Сделаю. Может, лекарства какие-то нужны?

— Нет, спасибо. Обойдусь. Дома всё есть. Ладно, Вера Николаевна. Я к Глебу, и домой. Он пришёл?

— Да, минут двадцать уже здесь.

— Отлично. Тогда до завтра.

— Выздоровливайте, Виктор Андреевич. До завтра.

Виктор отжал кнопку и начал собираться. Положил в карман линзу, бросил в сумку планшет, накинул на плечи плащ и вышел из кабинета. Приложил палец к сенсору. Ободок дверной ручки сменил цвет с зелёного на красный.

Всё. Теперь к Глебу, и домой.

Виктор поднялся на лифте на сорок четвёртый этаж. Уши привычно заложило. Он вышел в фойе секретариата, где снял плащ и повесил его и сумку в гардероб. Секретарь не обращала на него внимания, листая беззвучные видеоролики на служебном планшете.

— Глеб Егорович у себя? — спросил Виктор.

— Да, Виктор Андреевич, — ответила секретарша, подняла на него глаза и приторно улыбнулась накрашенными

губами.

— Он один?

— Да. Заходите.

Виктор прошёл вглубь коридора, который оканчивался массивной дверью из матового стекла с выгравированной на уровне глаз надписью: «Руководитель регистрационной службы — Катасонов Глеб Егорович».

Виктор вошёл.

Кабинет начальства был в шесть раз больше его служебной каморки. Огромный аквариум в полстены. Круглый стол с креслами. Диван. Экран во всю стену. Две противоположные стены заменяли панорамные окна от пола до потолка с видом на квадратики заснеженных крыш. Свет в кабинете был мягким, без холодных оттенков.

Не кабинет, а место силы.

Виктор мечтал занять себе такой же когда-нибудь.

— Глеб Егорович, можно?

— Виктор Андреевич! Приветствую, дорогой. Проходи. Чай будешь?

Из-за дальнего письменного стола поднялся его начальник — красивый статный мужчина предпенсионного возраста в дорогом чёрном костюме с металлическим отливом. Из-под пиджака выглядывала серая шёлковая косоворотка с чёрным руническим орнаментом на воротнике.

— Спасибо, Глеб Егорович. Не откажусь.

— Надюш, организуй, пожалуйста, нам с Виктором Ан-

дреевичем чайничек с бергамотом.

Отдав распоряжение селектору, Глеб Егорович подошёл к Виктору и пожал ему руку.

— Садись.

Они сели за круглый стол друг напротив друга.

— Как там дела? У тебя усталый вид. Не выгораете на производстве?

Глеб Егорович говорил шутливо, но в его карих глазах Виктор видел реальный интерес и заботу. Виктор считал, что с начальством ему повезло. Глеб Егорович поставил бы под его подписью свою не глядя. Не от равнодушия. Не для того, чтобы переложить ответственность. Из доверия.

Поэтому Виктор держался за своё место и делал всё, чтобы оправдать это доверие.

— Спасибо, Глеб Егорович. Что-то неважно сегодня себя чувствую. Хотел отпроситься у вас. Мне бы отлежаться завтра. За свой счёт. Можно?

— Да не вопрос. Сейчас сезон такой, всё нормально. Дела раскидал?

— Да, Вера Николаевна отписалась. Были слоты свободные. До конца недели все как штык закрою.

— Ну и хорошо. Так и думал. Тебя инструктировать — только портить. Знаю тебя, Виктор Андреевич, давно. Другой бы и половину твоего не вытянул. Согласен, тяжёлая у нас работа. Но и нужная же?

— Да понятно, Глеб Егорович. Нет у меня никакого выго-

рания. Наоборот. Сотое дело закончил. Оно у меня по ОКР до конца года стояло, а я сегодня закрыл.

— Вот это разговор.

Глеб Егорович вытащил из кармана пиджака планшет и черкнул там пару строк.

— Запишу, чтоб не забыть. А то как бывает? Наказание невиновных, награждение непричастных. У нас другой колленкор.

Вошла секретарша с подносом, прозрачным чайником и двумя тонкими, почти невесомыми, фарфоровыми чашками. Она аккуратно разлила чай и удалилась. Виктор пригубил ароматный напиток и подумал, что давно хотел узнать у Нади-секретаря, как она его заваривает. Магия какая-то.

Глеб Егорович тоже отпил из чашки.

— Я сегодня в Главке в сотый объяснял, зачем нужны люди. У ботов нет тела, значит, нет страха. Нет ответственности. А у каждой катастрофы должны быть имя, фамилия и отчество. Ведь если...

Виктор смотрел на него и думал: «Нужно сказать. Он поймёт. Никто бы не понял. А он поймёт. Это человек. Но чёрт. Риск. Я же его так под монастырь подведу. Откроют дело, и, если он меня начнёт прикрывать, первый удар придётся в него. Как бы ни было хреново — нет. На него ничего вешать не буду».

Глеб Егорович поставил чашку.

— ...Ты ведь на крайнем рубеже у нас со своей подпи-

сю. Ошибёшься ты — ошибётся система. А в нашем вопросе ошибаться нельзя.

Виктор согласно улыбнулся.

— Конечно, Глеб Егорович. Тут и говорить нечего. Серьёзность работы осознаю. Не сомневайтесь.

— Ладно, заговорил я тебя, — сказал Глеб Егорович, вставая. — Поправляйся. Если вдруг станет хуже — сразу пиши. Найдём замену. И не стесняйся. Скромность — это такое... Знаешь анекдот? «Она была настолько скромной, что стеснялась попросить рюмку и пила из горла».

Посмеявшись, они пожали друг другу руки.

Виктор вышел.

Секретаря на месте не было, и Виктор вошёл в лифт. В этот момент ему на планшет начали приходить сообщения. Он давно замечал, что на начальственном этаже планшет отрубается от сети. Наверное, так сделано специально, но зачем — он не думал. Ему это было неинтересно.

Сообщение пришло от недавнего посетителя.

Виктор почувствовал незримую удавку на шее.

«Да чтоб тебя. Теперь будет донимать».

На экране высветилось:

«Да, забыл. У Ани, возможно, уже отрублен доступ к делу. Вот код — вбей в планшет. Это откроет материал, что я тебе показывал. Если ей что-то понадобится — покажи со своего планшета. Короче, делай то, что она скажет. Всё. Удачи».

Виктор чертыхнулся и сунул планшет в карман.

Он ехал в вагоне метро и думал о том, что скажет Марине.
«Нет. Не стоит ей знать. Это моё дело. Мне и разгрести. Правда, на душе ну совсем дерьмово. Приеду, коньяка накачу. Грамм двести, не меньше».

Ехать оставалось ещё полчаса, и он достал планшет.

Виктор вбил код, который пришёл от дознавателя, и на экране раскрылась уже знакомая паутина. Он пролистал рапорты, протоколы, акты, попробовал проследить связи в паутине Селезнёва, но шрифт был мелкий и в метро это было неудобно.

Он открыл список приобщённых к делу материалов. Там шрифт был крупнее. Виктор до сих пор не понимал, что, собственно, расследовала Анна. Суть дела нигде не выводилась, а по разрозненным документам картинка не складывалась. Акты осмотра, показания свидетелей на много листов.

«Всё это нужно читать не в метро».

И вдруг его дёрнуло.

Он отлистал список назад и уставился на строку связанного с делом материала.

«Архивное дело БК-2082-04-17/КФМ-738-В».

Ниже, зелёным:

«Статус: возобновлено автоматически».

Виктор перестал дышать.

Он знал этот номер. Не весь — только хвост, только связку букв, только порядок цифр, который мозг двенадцать лет старательно обходил стороной. Этого хватило.

То самое дело.

То, которое должно было умереть в архиве.

Под ним стояла причина возобновления:

«Триггер: финальное подтверждение МЗ-7 / Кравченко Е.

В. Регистратор: Семёнов В. А.».

«Это же сегодняшняя пациентка, которая приходила два часа назад, — подумал Виктор. — Откуда связь? Почему?»

Следующая строка:

«Контроль хода расследования: внешний контур согласования».

Поезд остановился на станции Виктора, но он даже не поднял головы.

Старое дело перешло в статус: «Расследование». И это сделал не дознаватель.

Это сделала его подпись. Регистрация согласия по Кравченко.

Он не верил глазам, но в реестре значилось именно так.

Двери закрылись, и вагон тронулся.

Глава 3

Виктор открыл дверь. С порога он уловил доносящееся с кухни тарахтенье блендера, какое-то кляцанье и бодрое, но нескладное пение — Марина подпевала музыке в наушниках. Она была сегодня дома. Виктор улыбнулся. Петь Марина не умела, но он никогда ей об этом не говорил. В коридоре пахло недавно помытыми полами. Он начал разуваться.

Виктор сразу почувствовал себя в своей тарелке. Возвращаясь домой, он всегда знал, что его ждут.

Они с Мариной были ровесниками и поженились буквально на третий месяц после первой встречи. За все 15 лет совместной жизни Виктор ни разу не представил рядом с собой какую-то другую женщину. Только с Мариной он сбрасывал все свои маски и становился собой. Он не мог объяснить почему, но в душе был уверен — эта женщина не предаст.

Виктор повесил на вешалку мокрый плащ и бросил сумку на столик в прихожей.

«На удалёнке сегодня», — подумал он и прошлёпал в кухню.

Марина стояла к нему спиной и что-то быстро шинковала на доске, тихонько напевая и даже немного приплясывая, насколько это было возможно для человека, вооружённого острейшим керамическим ножом. Рядом с ней на плите в большой кастрюле что-то кипело.

Почувствовав спиной его появление, Марина обернулась. Глаза её полыхнули радостью, она вытащила из ушей наушники и довольно сказала:

— А я обед готовлю. Витюнь, привет. Ты чего так рано сегодня? Тебя покормить?

Виктор сел и бросил планшет на кухонный стол.

— Да, Мариш, с удовольствием. С утра на нервах. Голодный как чёрт.

— Мой руки тогда. Котлеты будешь? А то у меня суп не готов ещё.

— Ага.

Виктор поплёлся в ванную.

— Я думал, ты на удалёнке сегодня! — прокричал он сквозь шум воды.

— У нас руководство уехало! — услышал он. — Все в Пекине, в командировке. Решила себе выходной сделать. Все разбежались, как тараканы. — Она засмеялась. — Тебе три котлеты хватит?

— Хватит, Мариш, конечно, ты что, — ответил Виктор, выключил воду и вернулся в кухню. — Специально раскормить меня хочешь? Чтобы не заглядывался никто?

— Отстань! — засмеялась она и отмахнулась полотенцем, наваливая ему на тарелку огромную порцию горячего картофельного пюре. — Ты представляешь, у нас прорыв. Утром звонили. Скарабейников со своими вчера провели финальные тесты — всё работает! Отметим с тобой сегодня. Я даже

бутылку заказала по такому случаю! Твоё любимое.

Виктор кивнул и притянул к себе тарелку, взял вилку и принялся за еду.

Марина села напротив, положив локти на стол. Её зелёные глаза горели.

— Витюнь, это бомба! Мы же не теломеры эти несчастные тянули. Это давно умеют. У нас другое. Помнишь, я рассказывала? Клетка стареет не только от того, что концы хромосом стираются, — она ещё и забывает, кто она. Эпигенетика плывёт. Печёночная клетка через сорок лет уже наполовину не печёночная. И вот, представляешь, они нашли способ ей напомнить! Аккуратно. Не сбросить в эмбрион, как раньше пробовали, — там опухоли лезли, — а как будто вернуть на год назад. Потом ещё на год. Потом ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.